

ОТЗЫВ

официального оппонента – члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук, профессора С.А. Арутюнова на диссертационное исследование Мамедова Азера Агабала оглы «Формирование картины мира талышского этноса как предмет философского анализа», представленное к защите на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры.

Диссертация А.А. Мамедова представляет собой самостоятельное законченное комплексное квалификационное исследование, имеющее целью обрисовать заложенную в талышской этнической культуре картину мира в ее космогоническом, познавательном и морально-этическом аспекте.

Актуальность избранной темы определяется, с одной стороны, ярко выраженной уникальностью талышской народной культуры, оформившейся в рамках своеобразного «геоэтнического заповедника», образованного юго-западным побережьем Каспийского моря и подымающимся над ним массивом Талышских гор с его неповторимо своеобразными природно-климатическими и флористическими условиями. Культура талышского этноса представляется автору в виде трехслойной конструкции древнейших, возможно, еще доиндоевропейских представлений, наложившихся на них концепций, свойственных зороастризму как типичной религии производящего преимущественно земледельческого общества и окутанных сравнительно поздним фольклорным флёром героических конструкций народного шиитского ислама. С другой стороны, актуальность данного исследования в немалой степени определяется слабой исследованностью проблемы, затрагиваемой лишь в ограниченном числе довольно старых публикаций XIX-начала XX в. В азербайджанской исторической науке, развитие которой заняло практически весь XX век, главный упор всегда

делался на роль тюркского компонента в генезисе общеазербайджанского культурного достояния при намеренном замалчивании и преуменьшении существенной роли прочих, в частности, древнеиранских и праиранских компонентов, которые так явно проявлены в этническом достоянии ираноязычных меньшинств Азербайджана, и, прежде всего, талышей.

Научные положения, сформулированные в диссертации, глубоко обоснованы, достоверность их соответствует тому факту, что автор является сам талышом по своей этнической принадлежности, и рассматривает талышскую этническую культуру как бы изнутри как глубоко интериоризованный комплекс. Автор опирается на концепцию Л.Н. Гумилева о приспособительных механизмах формирующегося этноса в условиях вмещающего ландшафта: «изолированная от внешнего мира специфическая среда способствовала сохранению древних обычаев и традиций как самих талышей, так и верований, привнесенных извне, но уже исчезнувших за пределами талышского «геоэтнического заповедника» (С. 19).

Методологически диссертация написана с позиций комплексного позитивизма, а методически с использованием историко-сравнительных и реконструкционистских подходов. Что касается теоретической и практической значимости работы, то А.А. Мамедов сам вполне обоснованно определяет ее следующим образом: «Материалы диссертации существенно расширяют исследовательское поле и возможности кавказоведения и иранистики, вводя в них новый этнографический, философско-антропологический, культурологический и религиоведческий материал, обогащая ими научно-теоретический аппарат современной философской антропологии и философии культуры. Представляется, что результаты диссертационной работы помогут сформировать комплексное представление о состоянии современного этнопсихологического, религиозно-философского, религиоведческого, философско-антропологического знания о народах иранской языковой группы – талышах, татах, курдах, осетинах и др.» (С. 21).

Диссертация общим объемом 334 стр. состоит, помимо краткого (23 стр.) введения, из 4-х глав. Глава первая «Теоретические аспекты изучения этнического сознания как сложной социокультурной системы» носит, соответственно своему названию, общетеоретический характер, и еще не содержит конкретных сведений о талышском этносе и этнокультурной истории занимаемого им региона. Глава дает общую характеристику понимания феномена этногенеза в научной литературе, показывает хорошую эрудицию автора по затронутым им вопросам, содержит анализ основных концепций понимания этногенеза (или сложения этнической и национальной общности) в трудах как классиков европейской философии, так и виднейших отечественных социальных антропологов.

Последующие главы в основном посвящены трем пластам в формировании проталышского и далее собственно талышского мирознания, дозораострийского, отраженного в фольклоре, народных сказках, песнях, исторических преданиях и т.д. В силу отсутствия письменной традиции он в значительной степени был видоизменен и даже частично вытеснен привнесенным извне тюркским фольклором. Другие персонажи талышского фольклора – это Див, образ, явно навеянный авестийским понятием о Дэвах (Дазвах), олицетворениях злых демонических сил, и прочие фольклорные персонажи – это Сиоголыш, или Черный Пастух, покровитель животных вообще и дойного скота в особенности, Сиочыхо (Черный кафтан), бдение или сон которого влияют на судьбу столкнувшегося с ним человека, и целый ряд других персонажей, которые содержательно относятся во многом к дозораострийским временам, но в оформлении которых явно прослеживаются как зороастрийские, так и еще более поздние исламские напластования. Раскрытию этих напластований в значительной степени посвящены третья и еще более четвертая главы диссертации. Все главы исследования написаны ярко и увлекательно, насыщены фактическим материалом и показывают глубокие знания и понимание автором как зороастризма, так и шиитского ислама в их

специфическом, характерном для талышского региона оформлении. Но мне как не столько философу, сколько профессионалу – этнологу и практическому социальному антропологу при чтении диссертации все же нередко не хватало этнической конкретики. Автор неоднократно говорит о почитании талышами роц, деревьев, священных камней. После укоренения ислама на талышской почве подобные объекты стали зачастую отождествляться с пирами, местами почитания мусульманских святых. Однако, в чем специфика именно талышских пиров и их отличие от аналогичных объектов, распространенных не только в остальном Азербайджане, но и во всей Средней, а отчасти и Передней Азии, автор не сообщает.

Традиционный зачин талышских сказок дословно, т.е. слово в слово повторяет традиционный зачин грузинских сказок («Было что или не было, лучше Бога что быть могло»), а, возможно, и сказок других народов Кавказа, просто я лучше знаком с грузинскими сказками. Не сомневаюсь, а в ряде случаев и могу показать, что и многие другие фольклорные клише, заявляемые автором как характерно талышские, имеют столь же широкое, нередко общекавказское распространение. Едва ли не общеевразийское распространение имеет обычай завязывания цветной ленточки или нитки на ветвях священного дерева, а вот практика скорого забирая этой жертвы обратно мне встречается впервые. Жаль, что диссертант не дает этому обычаю должного разъяснения.

Культ священных деревьев и целых роц – это тоже общеевразийское явление. Однако, Талышские горы – это уникальный, богатый эндемическими видами ареал. В числе эндемиков можно упомянуть такие виды, как парротия (*Parrotia persica*), дзельква (*Zelcova serrata*), каркас (*Celtis caucasica*). Интересно было бы знать, какие именно деревья выделяет в качестве священных и магических талышское этноботаническое сознание. В особенности, это относится к каркасу, который во многих местах своего распространения почитается как материал для амулетов (тюрк. *дагдган*) и как

резервный дикорос на случай голода (в виде муки из перемолотых плодов). Что касается амулетов, то характерные мотивы их орнаментации и более широко вообще традиционный орнамент немало могут дать для понимания присущей данному этносу картины мира, но этих данных в диссертации нет.

Понятно, что от диссертации философского характера нельзя требовать такой же полноты и детальности описания этнографических реалий, какая ожидается в случае классического историко-этнографического очерка, но все же коль скоро мы читаем, что даже запах свежеспеченного хлеба отпугивает вредоносных дэвов, хочется знать, как этот хлеб печется – в тандыре, на садже, на поду печи или как-то еще. Тем более, что у гилянцев, ближайших соседей талышей, с хлебом связываются отрицательные коннотации (бытует поговорка «пожри хлеба и сдохни»), а главной и почитаемой пищей служит рис (чалтык), соответственно, заливные поля чалтыка – характерная деталь гилянского ландшафта. А является ли колосющаяся нива такой же фоновой чертой талышского идеального ландшафта? Хотелось бы получить ответ на этот вопрос.

В диссертации было сказано, что талыши живут в домах, окруженных невырубленными деревьями, а также (скотоводы) в шатрах, но как устроен дом и как шатер? Входят ли они в картину мира как аналоги микрокосма (тела человека или животного) и макрокосма – Вселенной (крыша дома как аналог небесного свода, и т.д.).

Также походя мы узнаем, что знатные талыши, в основном из ханского рода, включались в офицерский корпус Российской империи, но какова была общая структура и стратификация талышского общества помимо ханов и простых крестьян, т.е. были ли талыши беки, уздени и вообще подобие владетельного дворянства?

Я полагаю, что эти сделанные мною замечания, число которых можно и умножить, ничуть не умаляют большого научного значения диссертации. Любое из них может быть развито и расширено и само по себе стать объектом самостоятельного исследования. Любая диссертация имеет

достаточно жестко ограниченные рамки своего объема, а данное исследование кроме того является этнофилософским, а не просто этнографическим, и все же ряд реалий, затрагиваемых автором в данном исследовании, хорошо было бы не просто наметить пунктиром, как это сделано в диссертации, а очертить более выпукло и подробно. В целом можно сказать, что диссертация А.А. Мамедова «Формирование картины мира талышского этноса как предмет философского анализа» является самостоятельным и фундаментальным исследованием, и вполне соответствует критериям, предъявляемым к докторским диссертациям.

Автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. Диссертация Мамедова Азера Агабала оглы – «Формирование картины мира талышского этноса как предмет философского анализа» полностью соответствует п.9 Положения о присуждении ученых степеней, а автор ее достоин присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

Заведующий отделом Кавказа
Института этнологии и
антропологии РАН,
член-корреспондент РАН,
доктор исторических наук,
профессор
(специальность – 07.00.07 этнография,
этнология и антропология)
119991, Москва, Ленинский проспект,
д. 32А. Институт этнологии и
антропологии РАН.
Телефон: (495) 938-18-83
Электронный адрес: gusaba@iea.ras.ru

С. Арутюнов

С.А. Арутюнов

